„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13°)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 12 (416)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год—6 дол., за ½ г—3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за год—150 фр., за ½ г.—75 фр., за ¼ г—40 фр. За перем. адр.—1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

30 Июня 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Довольно самообмана!

Теперь даже уже профашистские французские газеты признают, что бомбардировка открытых городов и иностранных кораблей итальянскими аэропланами армии Франко была направлена не столько против барселонского правительства, сколько против... Чемберлена. Гигантские бомбы, которые итальянские летчики сбрасывали над школами, госпиталями и рабочими кварталами республиканских городов, или даже над иностранными кораблями в республиканских портах, имели целью деморализовать и терроризировать не столько испанское население или иностранных капитанов, сколько британское правительство.

Муссолини дольше не может ждать. Экономические и финансовые затруднения, которые тяжело давят на фашистскую Италию, осложнились сейчас неурожаем. Итало-британское соглашение, связанное с английскими кредитами для Италии, должно, однако, вступить в силу лишь после выполнения предварительных условий, связанных с испанским вопросом. А между тем выполнение этих условий, несмотря на всю их половинчатость и двусмысленность, является последним делом, которое Муссолини хотел бы совершить. И вот Муссолини через Франко форсирует события. Он «припирает Чемберлена к стене»; своими провокациями он подводит его под удары британской оппозиции и заставляет его поторопиться «сделать выбор», в полной внутренней уверенности, что Чемберлен, у которого «коготок увяз» в политике компромисса с итало-германской коалицией, не сможет, не подрывая собственного авторитета и всей линии своей политики, изменить свою тактику и потому вынужден будет и на сей раз капитулировать перед итальянской агрессией в Испании и, в частности, помочь блокаде республиканских портов.

Это была — смело задуманная и проведенная попытка международного шантажа в небывалой еще дотоле форме. Итальянской дипломатии последних лет нельзя отказать в смелости и «размахе»...

К счастью, попытка эта удалась только наполовину. Бомбардировка городов и в особенности нападения на британские пароходы действительно вызвали то волнение, на которое расчитывал Муссолини. Разыгрались бурные дебаты в английском парламенте, действительно поставившие Чемберлена в трудное положение. Действительно, зашевелился заснувший было лондонский комитет и засуетились дипломаты, казенные и добровольные. События были форсированы... Оправдались расчеты Муссолини еще в одном отношении: Чемберлен, связанный своей прошлой политикой (и давлением Сити!) действительно ничего не предпринял в ответ на провокации Франко и с поистине христианским смирением, продолжая удить рыбу, отнесся к дерзкому нападению на британский флаг.

Но чего Муссолини не учел или недооценил, — так это возросшей под влиянием агитации Лейбор-Партии силы давления английского общественного мнения. Ураган негодования, пронесшийся над Англией в эти дни, оказался неизмеримо сильнее той карманной бури, которой ожидал и на которую спекулировал Муссолини. Это морально-национальное возмущение не дало возможности Чемберлену и его окружению, как бы они

этого ни хотели, выполнить до конца «задание», данное им Муссолини.

Чемберлен, хотя и одержал в палате «победу», но сущность создавшегося в Англии внутреннего положения может быть правильно характеризовал тот лидер консервативной партии, который заявил, что следующая бомба Франко, которая потопит английский корабль, потопит и Чемберлена.

Пришлось начать «отступление в полном порядке». Английский уполномоченный в Бургосе получил поручение преподать Франко несколько «дружеских советов». И о, чудо!, сам Муссолини вдруг ощутил потребность «рекомендовать» Франко большую осмотрительность и умеренность в бомбардировке городов и кораблей. А в лондонском комитете вновь началась «плодотворная деятельность» по выработке нового, n+первого, проекта отзыва волонтеров, — но с тем однако отличием, что Муссолини свою твердую решимость в конечном счете надуть комитет и довести свою интервенцию в Испании до победного конца должен был в гораздо большей степени, чем до сих пор, прикрыть и завуалировать видимостью уступок.

Мало того: используя создавшуюся психологическую и политическую атмосферу, Барселона со своей стороны перешла в международное наступление. Испанское правительство довело 25-го июня до сведения правительств Англии и Франции, что на повторные бомбардировки открытых городов оно ответит репрессалиями по адресу «истинных виновников», в частности бомбардировкой тех баз, откуда вылетают аэропланы, работающие под флагом Франко. Оффициозный комментарий испанского посольства в Париже, опубликованный несколько позже, раз'ясняет, что речь идет о Майорке и т. п. пунктах. Но печать и иностранные правительства восприняли это предостережение, как угрозу бомбардировать итальянское побережье (давно уже и упорно носятся слухи, что эскадрильи, бомбардирующие республиканские города в Испании, вылетают непосредственно из Италии и туда же возвращаются после своей «работы»).

Действительно-ли испанское правительство имело в виду бомбардировку итальянских городов или речь идет только о двусмысленной формулировке, — судить не беремся. Не беремся мы и судить о военной и практической целесообразности подобного рода репрессалий в данной обстановке. Но факт тот, что предостережение Барселоны произвело большое впечатление в правительственных кругах Англии и Франции. Первая реакция этих правительств была такова, что они поторопились довести до сведения испанского правительства, чтобы оно не расчитывало на поддержку или вмешательство Англии и Франции, в случае, если проектируемые им репрессалии против Италии приведут к вооруженному конфликту между Испанией и итало-германской коалицией. Но, как правильно указал Блюм в своей статье в «Попюлере», сказать, что Франция и Англия останутся в стороне от этого конфликта гораздо легче, чем сделать это. Кто может предусмотреть, в какие формы выльется война между германско-итальянскими силами и республиканской Испанией, какие размеры эта война примет, и смогут-ли Англия и Франция, как бы они этого ни желали, остаться в стороне от событий? Эти соображения пришли в голову, повидимому, и правительствам.

И вот 26-го июня газеты сообщают, что правительства Англии и Франции сделали одновременно и совместно представление: 1) Барселоне — в уже указанном смысле; 2) Бургосу — о недопустимости бомбардировки открытых городов и т. п.

Выступление Барселоны привело к тому, что давлению терроризма Франко-Муссолини, не встречавшего до сих пор никакого противовеса, была, наконц, противопоставлена реальная угроза и с другой стороны. И эта угроза, несмотря на трагический характер отчаяния, который она носит, а, может быть, именно поэтому («погибни, моя душа, вместе с филистимлянами»), все же возымела некоторое действие.

Правда, все эти «представления» и даже «дружеские советы» Муссолини не помешали Франко снова повторить свои бандитские нападения на английские корабли. 27-го июня в Аликанте и Барселоне франкистские самолеты бомбардировали и подожгли английские корабли «Фарнхэм» и «Арлаи», убив при этом несколько британских матросов. Шантаж продолжается... Увенчается-ли он успехом, или приведет к результатам диаметрально противоположным тем, которых добиваются шантажисты Муссолини и Франко, — этого сейчас еще никто не может сказать. Но ясно одно: трагикомедия «невмешательства» а вместе с тем и лондонского комитета вступает теперь в свою последнюю стадию.

Работы лондонского комитета отличаются тем, что все участники его без исключения, к какой бы стороне они ни принадлежали, прекрасно отдают себе отчет в глубоко-безнравственном и лицемерно-мошенническом характере этого учреждения и его решений. Все отлично понимают разницу между «волонтерами» Гитлера и Муссолини, воюющими на стороне Франко, и волонтерами Интернациональной бригады; между «невмешательством» фашистских стран и политикой Англии, Франции и других демократических стран (даже тактика России, носящая иной характер, представляет собою явление производного характера, вызванное и потому оправданное предшествовавшей интервенцией Германии и Италии). Все, наконец, отдают себе отчет в том, что самое существование и вся деятельность лондонского комитета представляет собою вопиющее нарушение не только международного права, но и самой элементарной справедливости.

Полдюжины «добрых соседей», вооруженных до зубов, стоят у пограничных столбов и не только безучастно наблюдают, как забравшиеся в дом к соседу бандиты грабят, поджигают, убивают женщин и детей, — это было бы еще с полбеды! — Нет, они вдобавок еще соединенными усилиями всячески мешают несчастному соседу защищаться от разбойничьего нападения. Они вырывают у него из рук оружие, не пропускают к нему в дом припасов, морят его голодом, в то время как бандиты на глазах у всех беспрепятственно получают от своих сообщников подкрепления, амуницию, самое усовершенствованное оружие!

Народы Европы пошли на эту позорную и постыдную роль, главным образом, если не исключительно, под влиянием страха за свою собственную безопасность, под угрозой войны, которая могла бы, по их мнению, вытечь из иной, более достойной и честной международной политики.

Какой жалкий самообман, какое бесполезное унижение! События последних двух лет с предельной ясностью показали и с каждым днем обнаруживают все больше и все яснее, что аппетит агрессоров «приходит во время еды», что эта политика непрерывного отступления и капитуляции перед хищниками ни от чего не спасает, ни от чего не гарантирует, и не только не уменьшает, но с каждым новым отступлением все увеличивает опасность войны. Политика невмешательства должна быть отменена, и как можно скорее, если европейские демократии еще хотят спасти то, что можно. Это требование Социалистического Интернационала должно стать лозунгом всего мирового пролетариата в его оборонительной борьбе против наступающего фашизма.

А. ЮГОВ.

Тайна доходов колхозника

Руководители советской политики настойчиво утверждают, что благосостояние колхозного крестьянства в последние годы достигло высокого уровня.

К сожалению, при самом внимательном и непредвзятом изучении всего опубликованного отчетного материала, невозможно найти убедительных доказательств этого социально - экономического под'ема. Задача изучения уровня благосостояния ,который достигнут в настоящее время колхозным крестьянством и той доли произведенного продукта, который поступает в настоящее время в распоряжение колхоза и колхозников — в современных советских условиях совершенно невыполнима.

Описание образцовых передовых колхозов или сообщения о рекордных доходах отдельных колхозников-ударников, конечно, совершенно не отражают доходов типичных колхозов и условий, в которых живет основная, подавляющая масса колхозного крестьянства.

Вместо серьезных статистических данных о доходах колхозников, об их потребительских бюджетах, советские политики и экономисты, забывши основную марксистскую, да и вообще экономическую учебу, обычно ограничиваются голословными утверждениями или сопровождают свои речи бессодержательными иллюстрациями, типичным примером которых является следующая фраза: «за 2 года доходы колхозников в среднем увеличились на 59%». Экономическая ценность подобной статистики особенно ясна тем, кто знает, что ни за 1934, ни за 1935, ни за 1936 г. никаких сведений о размерах доходности колхозного крестьянства опубликовано не было!

Правда, в специальных изданиях иногда помещаются и более содержательные обследования отдельных колхозов или отдельных районов, но, как правило, эти материалы сознательно даются в форме не допускающей ни сравнений во времени, ни каких-либо серьезных обобщений.

Последнее широкое обследование доходов колхозов и колхозников было опубликовано в 1936 году за 1932-34 гг., оно охватывало 85 тыс. колхозов и давало возможность изучить процессы, происходящие в советской деревне (см. нашу статью в «Социал. Вест.», № 6/7, 1936 г.).

Случайные сообщения в советской печати осведомили нас, что с тех пор произведено немало очень широких анкет и бюджетных обследований колхозов.

В 1935 году ЦУНХУ повторило обследование 85 тыс. колхозов, обследованных годом ранее. В 1936 году было произведено обследование 9.676 хозяйств 13 типичных районов СССР. Институт Экономики Сельского Хозяйства изучал в 1936 году колхозные бюджеты в колхозах Кубани, Днепропетровщины, Свердловской и Калининской областях. И наконец в 1938 году были обработаны отчеты за 1937 год по 157.423 колхозам, т. е. почти по 2/3 всех колхозов СССР.

Мы указывали лишь главнейшие из известных нам по советской печати обследований. Весь этот богатейший и нужнейший материал до сих пор не опубликован, даже в специальных органах, посвященных советскому сельскому хозяйству

Когда-то первые русские марксисты, в том числе и Ленин, имели возможность изучить и правильно определить пути развития русского хозяйства только благодаря тому, что в их распоряжении имелись несовершен-

---

Г. АРОНСОН.

К истории одного эксперимента

(Баланс Биробиджана 1928-1938 г.).

В советской еврейской печати поднята обычная шумиха по поводу десятилетия биробиджанской эпопеи. Уже идут казенные собрания, звучат ходульные речи, звенит подхалимный рефрен, разворачивается реклама фиктивных достижений.

Фиктивность этих достижений и печальный баланс биробиджанской затеи выявляется уже при самом поверхностном анализе.

1. Юбилейные дни.

Биробиджан — это «еврейская республика» на Дальнем Востоке, на берегах Амура.

Календарь биробиджанской эпопеи знает три даты, конечно, «всемирно - исторического значения»: 1) 28 марта 1928 г., когда был выделен Биробиджан для еврейской колонизации в качестве особого административного района; 2) 7 мая 1934 г., когда этот район был превращен в еврейскую автономную область; 3) 29 авг. 1936 г., когда Биробиджан особым декретом был об'явлен еврейским национальным государством. К этому надо добавить, что 22 ст. сталинской конституции закрепляет за Биробиджаном титул официального представительства «советской еврейской нации» (по выражению «Эмеса» *). Такова официальная историография Биробиджана, которая свидетельствует о том, что дело создания еврейской республики в СССР шло с каждым годом все вперед и выше. Ответственные коммунисты так и изображали дело в своих речах и писаниях. Калинин от имени ЦИК'а подтверждал эту оптимистическую версию о Биробиджане, когда в декрете от 29 августа 1936 г. торжественно провозглашал: «В первый раз в истории еврейского народа реализируется его горячее желание создать свою родину, свою собственную национальную государственность» (Декрет этот опубликован почему-то с опозданием почти на месяц в «Эмесе» 24 сентября 1936 г.). И наряду с территориально - национальным значением Биробиджана упомянутый декрет уделяет особое внимание его культурной роли, когда провозглашает, что «еврейская автономная область становится центром советской ев-

*) Оффиц. орган ВКП(б) на евр. языке.

ные, но доброкачественные и обильные материалы земской статистики, характеризующие процессы расслоения и зачаточные классовые антагонизмы внутри русского крестьянства.

Сейчас в СССР в стране, строющей в принципе всю свою экономику на учете и плане, в стране, которую коммунисты всего мира считают пионером по строительству социализма и коллективизма, *знание действительных процессов*, происходящих в экономике и социальных массах, стоит на более низком уровне, чем в самые мрачные времена царской реакции. Первичные материалы о положении русского крестьянства сейчас полностью засекречены, и никакое добросовестное изучение их невозможно, так как материалы обследований получают лишь «доверенные люди», при том одновременно с директивой из кабинета Ежова.

Так, напр., об итогах обследования 157 тыс. колхозов в 1937 году нет ни слова ни в одном специальном журнале. О них напечатана короткая статья в «Известиях» (22 мая 1938 г.), причем о положении колхозников, кроме общих фраз, сообщены не абсолютные цифры по всей стране и по отдельным районам, а лишь указан процент роста (!) «по Сибири и по восточным районам СССР», причем, как обычно в СССР, не приведена величина, с которой производится сравнение.

Если верно, что «на один колхозный двор по Союзу пришлось без малого вдвое больше, чем в 1935 году», то такие успехи надо бы широко огласить, а не скрывать, надо бы их сделать убедительными, опубликовав весь материал обследования.

Вместо этого строгая тайна!

Что же скрывает советская власть? Мы не думаем, что в деревне происходит процесс распада хозяйства и обнищания, как утверждают некоторые, люто ненавидящие коллективизацию, экономисты. Целый ряд косвенных показателей и в экономике и в бытовой обстановке показывают, что *валовые доходы колхозов и благосостояние деревни несомненно улучшаются, хотя и весьма медленно.*

Мы думаем, что советская власть боится опубликовать материалы обследований, потому что они вскроют действительную картину хозяйственных взаимоотношений между властью и колхозами и, главное, покажут те внутренние процессы, которые происходят сейчас в социальной толще крестьянства и их, все более явные, тенденции.

Проценты роста, средние цифры, даже если они верны, дают лишь самые общие представления о процессах, но они скрывают все внутренние противоречия, все глубинные антагонизмы.

Еще в 1926/27 году советские статистические справочники добросовестно изучали сельское хозяйство не только в целом, но и в его дифференциации. Они распределяли хозяйства по степени наделенности землей, по обеспеченности скотом, орудиями, инвентарем, по размеру основного капитала и по доходности, причем старательно учитывались и подсобные промыслы. Казалось бы теперь, когда миллионы распыленных хозяйств сведены в тысячи колхозов, в которых ведется постоянный учет, группировка хозяйств, по основным показателям производства, — наиболее возможна и наиболее необходима. Казалось бы столь же необходимо и возможно изучать и основные процессы расслоения внутри колхоза.

Но все эти вопросы принадлежат в СССР к той категории фактов, о которых нельзя говорить, и которые власть требует считать, вопреки очевидности, несуществующими. За попытки изучать социальные расслоения в колхозах об'явлены «уклонистами» немало старых экономистов и разгромлены все исследовательские институты Наркомзема. Диктатура предпочитает внушать своим гражданам иллюзию, что «классы в Союзе ликвидируются», а действительную истину сохранять только для себя.

рейской культуры для всего трудящегося еврейского населения».

Лазарь Каганович, бывший 9 февраля 1936 г. в Биробиджане (этот день, конечно, признан исторической датой: «Эмес», 11 февраля 1937 г.), в свою очередь произнес речь о громадном значении Биробиджана в истории еврейского народа и для развития еврейской культуры. Димантштейн писал в конце 1937 г., когда выяснился полный провал всех дел и планов: «Наши достижения особенно велики благодаря тому, что мы создали нашу советскую еврейскую государственность, имеющую столь большое значение» («Эмес», 7 ноября 1937 г.). А в первой своей юбилейной статье «Эмес» повторил мысли декрета 29 августа 1936 г.: «В первый раз за свою историю еврейский народ в Сов. России получил свой государственный титул», создав «единственную в мире еврейскую автономную область», и дату ее создания определял, как «исключительную историческую дату в жизни еврейского народа» (Эмес» 27 марта 1938 г.). Но для того, чтобы реализовать еврейскую государственность на Амуре, в 9 тыс. километрах от тех мест, где проживает в СССР еврейская народная масса, и для того, чтобы стать культурным центром, заемным светом которого могли бы жить евреи Украины и Белоруссии, — для всего этого нужна одна главная и решающая предпосылка: в Биробиджане должны быть евреи. К 10-летнему юбилею Биробиджана власти расчитывали переселить туда 100 *тыс. евреев*. Но теперь можно с предельной отчетливостью констатировать: евреи в Биробиджан не едут.

2. В Биробиджан и обратно.

В 1935 году в СССР был издан на еврейском языке альманах «Евреи в СССР», в котором даны сведения о движении населения Биробиджана (стр. 61 - 119). К 1928 году там числилось 34 тыс. душ (евреев среди них не было). В апреле-июне 1929 года появились первые евреи-переселенцы из Казани, Минска и Смоленска в числе 650 человек. Далее советская статистика фиксирует движение еврейской эмиграции: в 1929 г. до 1.000 переселенцев, в 1930 — около 1.500 (возникают первые колхозы), в 1931 — около 3.000 (возникают первые индустрии). Но в издании за 1935 год вы вотще ищете хотя бы в круглых цифрах, как и приведенные, вероятно, неточные данные, — цифры за следующие годы. Нет, авторы очерка глухо сообщают, что в 1932 году был принят план переселения 25 тыс. евреев, но из этого плана не только ничего не вышло, напротив, в середине лета из-за наводнений, климата, дождей и пр. пришлось прекратить переселение. О 1933 годе мы тоже имеем только глухую ссылку на сплошные неудачи. И после этого своеобразная советская статистика ставит точку, не давая больше никаких сведений об еврейской эмиграции в Биробиджан. Мы обращаемся к другому источнику (к изданной коммунистами в Вильне для внешнего мира брошюре «Биробиджан») и там находим следующее выразительное сообщение: к 1 октября 1933 года из 19.000 переселенцев в Биробиджане осталось только 7.000 (стр. 36). Где же остальные? Остальные 12.000 Биробиджан покинули.

Впрочем, быть может, сами диктаторы СССР уже предпочитáют не знать истины!

***

Итак, по причинам, нами указанным, мы не можем ни сделать обобщенных выводов о росте благосостояния колхозников по всему СССР, ни изучить действительное положение колхозников в целом даже по отдельному району.

Но иногда действительность находит свое выражение даже в отсеянных, процензурованных материалах. В журнале «Социалистическая Реконструкция Сельского Хозяйства» (№ 1, 1938 г.) опубликована статья «Рост зажиточности в колхозах Кубани». Это исследование не отражает действительного положения вообще в колхозах, такъ как авторами взят наиболее богатый район Кубани и притом в год наибольшего урожая. Обследование в части произведено, кроме того, по системе выборочной. Но это обследование ценно, потому что оно дает не только средние цифры, но довольно широко развертывает общую картину доходов современного колхозника. И оно еще интересно потому, что заведомо знакомит нас с тем, каков уровень достигнутого благосостояния в наиболее процветающих районах.

Обледованные колхозы Кубани принадлежат к наиболее крепким экономически организмам. Они обильно наделены землею, орудиями, снабжены техническими специалистами, они получили щедрую помощь от государства тракторами, комбайнами и кредитом. За последние два года их доходность значительно возросла. В 1936 году на один колхоз в среднем приходилось валового дохода около 300 тыс. рублей. Три колхоза имели дохода свыше 2 млн. рублей каждый, 15 колхозов свыше 1 миллиона, 114 колхозов более 500 тысяч рублей, остальные 724 колхоза меньше чем по 500 тысяч каждый, причем свыше 400 колхозов имели валового дохода меньше 250 тыс. рублей в год. В 1937 году эти колхозы получили по зерновым хороший урожай, в среднем по 17 ц. с га, с минимумом в 9 ц. и максимумом в 25 ц. с га.

Обследование показало, что, чем выше количество пашни, приходящейся на одного трудоспособного, чем выше механизация и обеспеченность скотом, тем выше доходность. Обстоятельство — общеизвестное, но именно им в первую очередь определяется тот процесс дифференциации колхозов по доходности, который наблюдается в настоящее врéмя в СССР. Именно этими об'ективными факторами, а не «честной работой», как пытаются уверить сталинские коммунисты.

В целом по Кубани доход с га зерновых равен 88,1 руб., у колхозов-миллионеров — 141,3 руб. или на 60% выше. Колхозы-миллионеры получают больше дохода, чем средние колхозы: от зернового хозяйства в 2,3 раза, от животноводства — в 1½ раза, от технических культур — в 2 раза, от огородничества и бахчеводства — в 3 раза и от садоводства и виноградарства в 22 раза.

Основной доход колхозника — это его получения по трудодням в натуре и деньгами.

	Валовой сбор зерна на 1 двор в.ц.	Выдача зерна по трудодням на 1 двор в ц.	на 1 душу в ц.
1932	20,9	2,5	0,52
1933	44,9	8,1	1,69
1935	58,5	13,8	2,85
1936	63,5	14,1	2,94

Мы видим, что наблюдается несомненный рост доходности и колхоза и колхозников. По сравнению с 1932 г. в 1936-м получено зерна на 1 двор в 5,6 раза больше, Но более внимательный анализ всех данных показывает, что картина вовсе не так радужна.

В распределение колхозникам согласно данным обследования поступило на Кубани в 1936 году лишь 30-35% всего валового сбора. Согласно отчетам в неделимый фонд самого колхоза было отчислено в среднем по 12-13%. Затем, некоторое количество зерновых

По данным цитированной нами виленской брошюры, число переселенцев в 1932 г. достигло 9.000 человек (евреев ли?), в 1933 г. — 3.500 чел. Но все эти статистические или реальные достижения, как уже сказано, были аннулированы массовым бегством 1933 г. Мы принимаем на веру, что не всем несчастным переселенцам удалось бежать и что там, действительно, осталось 7.000 евреев. С этого времени, по словам альманаха «Евреи в СССР» (стр. 98-99), наблюдается перелом в благоприятную сторону. Из Москвы назначается «твердое, выдержанное руководство» (речь идет о Либерберге и Хавкине, ликвидированных в 1936-37 гг.), и этому руководству удалось добиться под'ема уровня жизни переселенцев и, главное, прекратить стихийное бегство из Биробиджана. По данным Комзета в 1934 г. переселилось 5.000 ч., в 1935-36 гг. — 6.270, в 1936 г. — 5.128 (эти цифры заимствуем из речи председателя Комзета Чуцкаева, приведенной в статье М. А. Кроля в нью-иоркском «Форвертсе» от 14 февр. 1937 г.). В какой мере эти цифры отвечают действительности, судить трудно. Если за 1934-36 годы переселилось в Биробиджан 16.398 евреев, то вместе с оставшимися от предыдущих мрачных лет 7.000, мы должны были бы получить к 1937 году не менее 23.000 евреев в Биробиджане. Но председатель Биробиджана Либерберг определял в августе 1936 г. число еврейских переселенцев в 18 тыс. человек.

В 1936 г. по окончательным данным было даже больше переселенцев — не 5.128, а 6.758 человек. Возникает вопрос: переехавшие — евреи-ли? Подтверждений этому вы никаких не найдете («Эмес», 28 янв. 1937 г.). Трудно во всяком случае допустить, чтобы число евреев-преселенцев достигло 6-7 тысяч за 1936 г. Если бы эта цифра отвечала действительности, то не было бы оснований у еврейских коммунистов бить тревогу как раз в этом году и звать на помощь для организации переселенчества такой авторитетный орган, как Наркомвнудел.

Как же обстояло дело в 1937 г.? Планы составлялись в этом году разные и в самые странные сроки: намечалось комзетом переселение 17.000 чел. («Эмес», 11 дек. 1936 г.), затем 14.500 («Эмес», 27 марта 1937 г.), потом уже в середине года действовал план, утвержденный Совнаркомом 10 июня на переселение в 1937 г. 2.160 семей и 1.620 одиночек («Эмес», 20 июня 1937 года). Что вышло из всех этих планов, в точности неизвестно. Когда в начале 1938 г. пытались подвести итоги 1937 года, то почему-то взяли круглую и сомнительную цифру в 3.000 евреев переселенцев («Эмес», 15 февр. 1938 г.). Если судить по случайным данным, промелькнувшим в печати, и за 1937 год переселение евреев шло более чем туго. О неудаче переселенчества за 1937 год свидетельствует и крушение отдельных планов. Так, промысловая кооперация расчитывала получить 1.170 переселенцев, а получила только 142, а лесная производственная кооперация вместо 1.250 — 237 («Эмес», 15 февр. 1938 г.).

Отметим, что как раз в 1936-37 годах пришлось вновь столкнуться с фактом бегства переселенцев из Биробиджана. В «Эмесе» (от 8 мая 1937 г.) Стрелиц сооб-

продуктов употреблялось на корм скоту. Основная масса зерна — от 40-45% — поступала в распоряжение государства в форме налогов, натурсборов, обязательных и полуобязательных поставок.

Количество зерна, приходящееся на 1 душу колхозника и на его скот, увеличилось за 4 года почти в 6 раз. Но для того, чтобы понять удельное значение этих цифр, надо вспомнить, что по бюджетным данным довоенного времени в производящей полосе потребление хлебных продуктов (в переводе на зерно) равнялось — 278 кг. в год, учитывая при этом общую потребность крестьянина — его личную, его скота и его птицы. В 1932 г. крестьянин Кубани имел лишь около 52 кг. в год на душу, т. е. он был обречен на поедание запасов или голодание; в 1936 году приход зерна на душу в год был равен 294 кг., т. е. едва-едва был превзойден минимум потребления.

Но и здесь средние цифры заслоняют от нас живых людей, живую действительность.

Бюджетное обследование этих же колхозов Кубани показало, что «у колхозов с малой выработкой трудодней» (а таких 45% всех обследованных колхозов) получено зерна на душу в год лишь 244 кг., т. е. ниже довоенного минимума. Ниже, чем имел единоличный крестьянин в этих районах во все годы Нэпа — от 258 до 262 кг. («Статистический Справочник» 1928 г. Изд. ЦСУ, стр. 848).

Правда, колхозник получил еще из фондов колхоза картофель и овощи. Но и здесь для высших групп — этот доход выражался в 75,5 кг. на душу, но для 45% всех колхозов этот доход был равен лишь 17,8 кг. в год, т. е. был просто ничтожен.

Кроме того, колхозники получили от колхоза в год на душу от 94,8 рублей для низших групп (138 трудодней), до 440,2 рублей в высших группах (585 трудодней). Таким образом денежный доход, полученный от колхоза, оказался ниже, чем по 1 руб. на трудодень. Когда-то подобный доход был оценен Наркомземом, как ничтожный (см. «Соц. Рек. Сел. Хоз.» № 4, 1936 г.). Теперь авторы статьи о кубанских колхозах и эти ничтожные денежные доходы склонны считать признаками зажиточности!

Все бо̀льшее значение приобретает в доходном бюджете колхозника его личное хозяйство, которое советские экономисты, по инерции, продолжают называть подсобным. Колхозники Кубани в 1936 году получили от личного хозяйства в среднем на душу: 170 кг. молока, 20,1 кг. мяса, 136 кг. картофеля и овощей. Кроме того, личное хозяйство снабдило их молочными продуктами, яйцами, птицей, медом, фруктами и прочее. При этом, конечно, и доходы от личного хозяйства были весьма дифференцированы.

Еще большее значение имеет личное хозяйство в общем итоге денежных доходов колхозника.

Еще при бюджетных обследованиях Института Экономики Сельского Хозяйства за 1935 г. было установлено, что 74,4% всех денежных доходов было получено от продажи продуктов колхоза и своего личного хозяйства, причем около 60% было получено от продажи продуктов личного хозяйства колхозника.

Обследование Кубани полностью подтвердило эту же тенденцию. Колхозники Кубани получили 59,8% всех денежных доходов от продажи продуктов, а лишь 40,2% по трудодням.

Неслучайно зампредседателя Совнаркома СССР Чубарь заявил на совещании директоров МТС: «какое же тут сочетание личного хозяйства с колхозными интересами, если колхозники будут получать от личного хозяйства сотни рублей, а от колхозного ни копейки денег, а лишь хлеб и фураж!» («Правда», 11 марта 1938 года).

Мы, конечно, не исчерпали интереснейшего материала обследования колхозов Кубани, но с основным моментом мы познакомили нашего читателя.

Это обследование самого богатого района СССР в полной мере подтверждает выводы, которые мы не раз

щал, что не только «план не был выполнен, но что в прошлом году, т. . в 1936-ом, был даже известный отлив (опфлус) переселенцев». Димантштейн в том же номере выразительно добавлял: «Отлив, начавшийся в прошлом году, еще до сегодняшнего дня очень велик. Этот факт все время замалчивают». Но как видно, больше замалчивать стало невозможно.

3. Горе-колхозы.

На этом туманном фоне однако самым темным пятном является вопрос о сельско-хозяйственной еврейской эмиграции. Создание в Биробиджане колхозов было ударной задачей с самого начала. Калинин, этот высокий патрон Биробиджана, с самого начала предупреждал против создания еврейских местечек и указывал, в полном согласии с господствующей идеологией еврейских коммунистов, что еврейские колхозы должны явиться естественной и непременной базой еврейской республики. Да и понятно, что в основе всего этого плана создания еврейской республики на Амуре, пришедшего на смену прежнему «Крымскому проекту» (1926-27 гг.), лежала мысль о насаждении и развитии еврейского сельского хозяйства в Биробиджане. Отсюда и явилось стремление в первую очередь переселить земледельцев, не останавливаясь даже перед тем, чтобы снимать с места уже осевших на землю и приобревших известный опыт и закал еврейских земледельцев Белоруссии и Украины. И, действительно, уже с 1930-го года начали лихорадочно создавать первые колхозы. Какие же результаты мы можем констатировать сейчас, спустя 7-8 лет работы в этом направлении?

Прежде всего мы отметим, что за относительно благополучный период 1934-36 гг. переселилось всего 200 семейств, т. е. за 2 года евреи-колхозники прибыли в количестве нескольких сот человек («Эмес», 10 и 12 ноября 1936 г.). Что касается 1936 г., то мы там же имеем точные данные, что в 1936 г. планировали переселить в колхозы 600 семейств, а на деле переселилось всего 129 семейств. Каким образом можно было сказать, что план с.-х. переселения выполнен в 1936 г. на 66% («Эмес», 11 дек. 1936 г.), уму непостижимо. Относительно 1937 года из картины профессионального распределения 3.000 переселенцев за 1937 г. мы видим, что на колхозников падает всего 136 человек, — вероятно, этим и ограничивается итог с.-х. переселения за этот год («Эмес», 15 февр. 1937 г.). В середине 1937-го года сообщалось, что в Биробиджане имеется 15 переселенческих колхозов, в которых проживает около 500 семей (евреи-ли все это?). И к этим данным добавляется в официальной статье предгосплана Биробиджана Барона следующее характерное замечание: «Качество переселенческих колхозов настолько скверно, что никто даже не знает точного числа работающих там семейств» («Эмес», 27 мая 1937 г.).

Итак, мы видим, что к десятилетнему юбилею Биробиджана выяснилась абсолютная катастрофа всех планов, связанных с с.-х. колонизацией в еврейской рес-

уже делали в наших статьях о доходах колхозов и колхозников (см. «За свободные колхозы», «С. В». № 8 1938 г.).

Несомненно наблюдается рост валовых доходов колхозов. Но *львиную долю* этих доходов в той или иной форме забирает государство. Доходы колхозников несколько возросли за последние годы, но они еще и сейчас на очень *низком* уровне. Все большее значение в доходах колхозников играет их личное хозяйство. В современной колхозной деревне происходит явный и неуклонный процесс социального расслоения между колхозами, а внутри колхоза между отдельными колхозниками.

Мы думаем, что именно потому советская власть скрывает результаты общих обследований, что они в полной мере отражают эти, весьма неприятные для советской власти, социально-экономические процессы.

С. ШВАРЦ

Обновление аппарата

Переживаемые сейчас Советским Союзом мучительные годы будут представлять для будущего историка совершенно исключительный интерес. Это годы *формирования новой социальной ткани* в стране, выходящей из бурь гигантской революции, притом формирования не в порядке лишь *социального автоматизма*, но и в порядке очень энергичного и систематического *воздействия государства* («партии и правительства»). Формы этого воздействия очень разнообразны: тут и бесконечная шкала поощрительных и репрессивных мер вплоть до прямого физического насилия, и энергичные меры идеологической политики (нео-национализм), и сложная система мероприятий чисто организационного характера. Эти последние мероприятия в качестве как бы самостоятельного — в действительности полу-самостоятельного — социологического фактора в таком масштабе, может быть, еще никогда в истории не наблюдались.

С этой точки зрения происходящее сейчас обновление советского и особенно партийного аппарата заслуживает пристального внимания. Аппарат этот еще в прошлом году подвергся чрезвычайно энергичной хирургической операции. Многие тысячи, может быть, сотни тысяч партийных и советских работников были «сброшены в мусорный ящик истории» и заменены новыми людьми. Одно время казалось, что этот процесс смены аппарата ко времени выборов в Верховный Совет СССР будет в основном закончен. И таковы несомненно и были первоначально намерения власти. Выборы в Верховный Совет должны были завершить этот процесс и привести — при энергичном содействии «наших славных наркомвнудельцев», неожиданно об'явленных любимцами народа, — к отбору достойнейших и вернейших, надежного ядра новой «знати».

Но приведенная в движение гигантская машина уже не знает остановки. Уже во время избирательной кампании по выборам в Верховный Совет в ноябре и декабре прошлого года неожиданно оказались «врагами» и были выброшены за борт — в прямое нарушение только что торжественно провозглашенного избирательного за-

---

публике. К 1938 году это стало очевидным и для официальных кругов. Правда, как раз к этому времени стала популярной тенденция валить все и вся на «врагов народа», повинных-де во вредительстве и в срыве всех, особенно с.-х. планов. Но независимо от вопроса, кто виноват,—положение рисуется и еврейским коммунистам безнадежным. В статье, посвященной весенней посевной кампании 1938 года, мы находим следующие строки, посвященные еврейским колхозам: «Некоторые колхозы устроены в таких местах, где отсутствует подходящая для обработки земля. Часть колхозов задвинута черезвычайно далеко, без дорог... Скот привезли зимой, не заготовив ни хлевов, ни фуража... Большинство переселенческих колхозов состоит из колхозников, никогда до сих пор вообще не занимавшихся с.-х. работами, и нет агрономов и инструкторов, чтобы их обучить... Говорят об овощах, которые колхозы должны доставить в город. Но для этого нужно возможно скорее приступить к постройкѣ овощных хранилищ, чтобы снова не случилось, как до сих пор, когда овощи-то были, а где хранить их — не было» («Эмес», 26 марта 1938 г.). И к этой деловой, но очень пессимистической характеристике положения еврейских (и, вероятно, не одних еврейских) колхозов в Биробиджане мы прибавим еще одну цитату из другого описания почти в эпическом стиле. «И стоят коровы и лошади круглый год в мороз и дожд под открытым небом и вымирают... нет крыш, чтобы укрыть собранный хлеб, и урожай гибнет» («Эмес», 27 мая 1937 г.).

4. Еврейское местечко на Амуре.

Мы остановились подробно на колхозах в явном несоответствии с их удельным весом в еврейской республике. Но мы это сделали, чтобы с полной ясностью констатировать провал еврейских земледельческих планов в Биробиджане. Следовательно, если евреи в какой-то мере переселяются в Биробиджан, то главным образом в город Биробиджан, — в более привычные и естественные для них условия мелкогородского, вернее местечкового существования. Опасения, высказанные Калининым о характере еврейской эмиграции на Амуре, оправдались полностью. Еще осенью 1936 г. один из деятелей комзета, Б. Троцкий, в сердцах воскликнул в связи с неудачами колхозной эмиграции: «Если так дальше вести эту линию, это значит, что мы создаем новые еврейские местечки» («Эмес», 23 сент. 1936 г.). Но к этому времени уже обнаружилось, что выбора нет, нет никаких шансов привезти евреев колхозников в Биробиджан, и для тех, кто не мыслит себе еврейской республики без серьезной земледельческой базы, без компактной массы евреев-колхозников, для тех ставка на Биробиджан должна быть признана битой. Был момент, когда казалось, что к этому выводу придут еврейские коммунисты. Но верх взяли другие течения, для которых, видимо, возврата назад не было, и вот мы присутствуем при зрелище — довольно обычном в СССР — зрелище превращения нужды в добродетель. Еврейская эмиграция в Биробиджане носит исключительно городской характер. На месте бывшей станции Тихонькой

кона — более тридцати «достойнейших», в том числе такие столпы, как многолетний председатель Госплана и Зампред Совнаркома СССР Валерий Межлаук, начальник военно-воздушных сил СССР Алкснис и многие другие, вплоть до Наркомвнудела (!) Туркменской ССРНоделя. Но и с избранными в Верховный Совет произошел уже целый ряд катастроф, и сохраняемая пока в строжайшем секрете фракция бывших депутатов Верховного Совета насчитывает уже не один десяток имен.

Явления эти развертывались до недавнего времени в основном плане, намеченном еще в 1936 году. Это была прежде всего «чистка» аппарата от политически «ненадежных» элементов, то ли слишком активно участвовавших в революции в ее героический период и не изживших до конца своих тогдашних «иллюзий» (отсюда подозрительное отношение к «старым большевикам» вообще), то ли подозреваемых в симпатиях — хотя бы в отдаленном прошлом — к той или иной оппозиции внутри ВКП, то ли тесно связанных с органически сложившимися в процессе и на почве революции и в какой-то степени самостоятельными по отношению к центральной власти социальными группировками (отсюда в частности чудовищный разгром в национальных республиках).

Присматриваясь к тому, что происходит сейчас, к продолжающейся массовой смене аппарата, нельзя не обратить внимания на некоторые новые черты в этом процессе. Перед тем как обратиться к ним, остановимся, однако, на важнейших фактах в области обновления партийного аппарата (о советском, может быть, в другой раз) за последние несколько месяцев.

***

В широкой публике обнаруживается сейчас нередко склонность преуменьшать размеры прошлогодней чистки и рассматривать происходящую сейчас смену аппарата, как продолжение и завершение незаконченного в прошлом году разгрома подозрительных по оппозиционности элементов. Эту концепцию поддерживает и официальная печать, то ли не отдающая себе отчета в происходящем, то ли сознательно пытающаяся приглушить новые ноты, все явственнее звучащие в процессе смены аппарата.

Между тем уже в прошлом году чистка была чрезвычайно энергичной и притом отнюдь не ограничивалась только верхами аппарата. Подводя в мае прошлого года «некоторые итоги выборов партийных органов», отдел руководящих парторганов ЦК ВКП, писал:

> «Данные по 54 тысячам первичных организаций Азовско-Черноморского края, Ивановской, Донецкой, Курской, Свердловской, Харьковской и других областей свидетельствует о том, что **половина всего количества отчетно-выборных партсобраний в этих организациях признала работу парткомов и парторгов неудовлетворительной.**
>
> Больше всего неудовлетворительно работающих парткомов и парторгов обнаружилось в Донецкой области. Там почти 65% отчетно-выборных собраний дали отрицательную оценку работы парткомов и парторгов. В семи районах этой области **все без исключения первичные организации признали работу парткомов и парторгов неудовлетворительной.**
>
> Подобная картина наблюдается и в Курской области. В одиннадцати районах этой области во всех первичных организациях коммунисты признали работу парткомов и парторгов неудовлетворительной.
>
> Оценка работы парткомов и парторгов отчетно-выборными собраниями по отдельным областям и краям характеризуется следующими показателями:
>
> в Курской организации из 1.289 первичных организаций в 913 (или 70,8%) работа парткомов и парторгов признана неудовлетворительной; в Ивановской из 1.829 в 1.282 (70,1%); в Свердловской из 1.891 в 1.184 (62,6%); в Крымской из 1.026 в 607 (59,2%); в Киевской из 853 в 461 (54%) и т. д.
>
> Эти данные прежде всего говорят о том, что все коммунисты, вся наша партия взялись за решительную ликвидацию запущенности в партийной работе. Эти данные показывают высокий идейный уровень отчетно-выборных собраний, большую политическую зрелость партийных масс» («Правда» от 23-го мая 1937 г.).

выросло местечко Биробиджан. В нем было к концу 1936 г. 18-19 тысяч населения («Эмес», 5 дек. 1936 г.), через 3 месяца насчитывали уже 20 тыс. населения («Эмес», 27 марта 1937 г.). Прошел год, и мы читаем, что Биробиджан уже «стал большим городом», но население в нем показано все той же цифрой: 20 тыс. («Эмес», 27 марта 1938 г.). Эту цифру в 20 тыс. можно считать более или менее верной, но она не отвечает на интересующий нас вопрос: сколько евреев поселилось за 10 лет в местечке Биробиджан? По некоторым основаниям мы решили бы определить число евреев в еврейском местечке на Амуре в 15-16 тыс. человек. Так обстоит дело со столицей «еврейской республики».

В статистической работе советских органов в Биробиджане появился небольшой просвет в связи с выработкой планов на 3ью пятилетку 1938-42 гг. К этому времени пришлось произвести кое-какой учет. Было это в июне 1937 г. Но наши ответственные коммунисты предпочли игнорировать неприятные цифры, сообщенные Биробиджанским Госпланом. Димантштейн, напр., писал, что всего евреев в Биробиджане имеется «около трех десятков тысяч» («Эмес», 11 сентября 1937 г.), уточнив эту цифру «до 29 тысяч» спустя два месяца («Эмес», 7 нояб. 1937 г.). На самом же деле к середине 1937 года на 76,5 тысяч всего населения Биробиджана евреи составляли 18 тыс., т. е. 23,8% общего населения, — читаем мы в статистической справке госплана («Эмес», 3 июня 1937 г.). И цифра еврейского населения ничтожна, а процентное отношение ее к остальному населению таково, что отнимает право говорить о созданном на Амуре «еврейском государстве».

За годы третьей пятилетки предполагается по минимальному варианту переселить 100 тысяч человек в Биробиджан, — конечно, речь идет уже не только о евреях, ибо намечается 30 тысяч из этих 100 в колхозы, куда евреи почти совсем не идут. О том, сколько евреев удастся переселить в эти гиблые места, совсем уже ни слова не пишут («Эмес», от 3 и 27 июня 1937 г.). Вряд ли возможны в этом пункте какие-нибудь иллюзии...

5. Домашние и заграничные средства.

Одно время для преодоления кризиса еврейской эмиграции в Биробиджане с особой любовью выдвигалось сильно-действующее, хотя и домашнее средство: передать заботу о переселении евреев в ведомство Ягоды и потом Ежова. Об этом плане сообщал впервые осенью 1936 г. Адольф Гельд, ездивший из Нью-Иорка от имени еврейских рабочих познакомиться с положением в Биробиджане и при всей своей об'ективности привезший оттуда самые неутешительные вести. Тогда этим слухам не верилось, но довольно скоро Димантштейн, председатель «Озета», подтвердил, что «дело переселения, вербовку, отбор, транспортирование будут проводить государственные органы» (ясно какие!). Вслед за этим сообщением («Эмес», 5 нояб. 1936 г.) руководитель Комзета предупредил об особой ответственности, которая лежит на людях, посылаемых на работу в «по-

«Высокий идейный уровень» и «большая политическая зрелость» — это, конечно, лишь официальная фразеология. Но гигантский размах прошлогодней чистки уже в первичных звеньях партии вне всякого сомнения. И уже после такого радикального обновления низших партийных органов были созваны районные, городские, областные и краевые конференции и национальные коммунистические с'езды, на которых партийное руководство было всюду еще более радикально обновлено.

Прошел год. Сейчас вновь заканчивается кампания партийных перевыборов, причем смена аппарата — н о в о г о, созданного всего лишь год назад и в течение истекшего года многократно подвергавшегося частичным «исправлениям», — происходит вновь в чрезвычайно широких, кое-где даже в более широких размерах, чем в прошлом году. Даже в Москве и Ленинграде, по данным оглашенным на Московской и Ленинградской партконференциях, более 30% парторгов и секретарей парткомов были заменены новыми людьми («Правда» от 31-го мая). На Украине в состав комитетов первичных парторганизаций избрано 56% новых членов (Хрущев на украинском с'езде компартии, «Правда» от 16-го июня). Состав райкомов обновлен в Ленинграде на 62,5% («Правда» от 14-го июня), в Днепропетровской области состав райкомов и горкомов на 48% («Партийное Строительство», № 12 от 15-го июня), в Донецкой области впервые избраны в райкомы 44 %их членов («Правда» от 7-го июня), в Баку состав райкомов обновился даже на 84, 5% («Правда» от 5-го июня). Это типичная картина, кажется, не знающая исключений.

В верхних звеньях партаппарата смена руководства еще значительнее. Любопытны данные по Москве и Ленинграду. В Московские городской и областной и в Ленинградские городской и областной комитеты избрано и в этом, и в прошлом году по 65 членов и 20 кандидатов, в состав ревизионных комиссий соответственно от 7 до 11 членов. Но вот поразительная картина: среди 65 членов нового Московского городского комитета только 10 входили в комитет, избранный в прошлом году, 2 были избраны тогда кандидатами и 1 членом ревизионной комиссии. Среди 65 членов Московского областного комитета даже только 6 переизбранных и 1 был в прошлом году избран кандидатом. В новом Ленинградском городском комитете 8 переизбранных членов и 1 избранный из числа прошлогодних кандидатов. В Ленинградском областном соответственно 9 и 2. Кандидаты в Московском городском комитете все 20 новые, в Московском областном и в обоих Ленинградских комитетах по 19 новых кандидатов. И даже в ревизионных комиссиях только в Московской городской организации, 1 переизбранный член старой ревизионной комиссии, в остальном весь состав новый, причем ни в одном случае не из состава прошлогодних членов (и кандидатов в члены) городских и областных комитетов *).

В этих ошеломляющих итогах краски несколько сгущены благодаря тому, что ряд членов городских и областных комитетов Москвы и Ленинграда были за истекший год откомандированы для заполнения наиболее зияющих прорех партийного аппарата в провинции. Но эти перемещения все же не имели решающего значения: в основном здесь на наших глазах происходит что-то более сложное, чем «чистка» прошлого года.

Конечно, есть в этой смене аппарата и элемент прежней чистки, особенно в национальных республиках. Если из состава избранного в июне прошлого года политбюро ЦК украинской компартии ни один не вошел в состав избранного сейчас политбюро, то это еще можно об'яснить политикой чистки, так как большинство избранных в прошлом году членов политбюро зачислены за это время в разряд «фашистской сволочи». Но что в состав

*) См для Московского горкома «Правду» от 4-го июня 1938 г. и 30-го мая 1937 г., для Московского обкома «Правду» соответственно от 16-го и 14-го июня, для Ленинградского горкома «Правду» от 5-го и 2-го июня, для Ленинградского обкома «Правду» от 16-го и 17-го июня.

граничные районы» («Эмес», 27 марта 1937 г.), и этим самым как бы об'яснил мотивы, по которым все дело переселения в Биробиджан должно быть отданс ГПУ, занимающемуся ловлей шпионов и диверсантов. Еще через несколько месяцев промелькнуло сообщение, что конкретно переселением в Биробиджан занимается «особая бригада НКВД» («Эмес», 20 июня 1937 г.). Но вот прошел 1937 год, с тех пор, как были пущены сильнодействующие средства и как органы еврейской советской «общественности», Озеты, так охотно передали свою единственную задачу в связи с Биробиджаном в руки чекистов. А результатов не только никаких нет, они оказались еще худшими, если вообще могло быть что-нибудь похуже того положения, которое уже было до того. Ни Ягода, ни Ежов ничем не могли помочь делу. Наоборот, последствия их вмешательства оказались пародоксально убийственными для эмиграции: они не столько переселяли, сколько выселяли, не столько привлекали новых, сколько удушали старых переселенцев. Призванные по своей специальности всюду видеть троцкистов, японских агентов или других супостатов, чекисты закрыли двери Биробиджана для новых переселенцев, особенно евреев, — и жестоко расправились со старыми, особенно евреями. Между прочим в связи с этой чисткой в Биробиджане рассказывают о горестной судьбе эмигрантов-евреев из Литвы, которые в числе 245 семей в самом начале биробиджанской эпопеи отправились на берега негостеприимного Амура: их стали усиленно чистить и выселять.

На тот случай, если содействие всесильного НКВД успехам еврейской эмиграции в Биробиджан не явится целительным домашним средством, еврейские коммунисты, да и сов. власть носились с мыслью применить здесь более действительное заграничное средство. Мы имеем в виду план привлечения массовой эмиграции из других стран: из Польши, Литвы, Германии и пр., где нужда и антисемитизм сделали положение евреев совершенно невыносимым. Внутри СССР еще с 1931 г. охотно муссировался этот план, от которого моральный престиж советского правительства в среде мирового еврейства должен был бы выиграть. За пределами СССР этот план давал возможность «друзьям СССР» разных формаций вести пропаганду, а иным серьезным радетелям еврейства подсказывал мысль: а может быть в Биробиджане удастся получить убежище для многих тысяч евреев, вынужденных эмигрировать и не могущих получить ни шифскарты в Америку, ни сертификата в Палестину? О допущении иностранных евреев в Биробиджан велись переговоры, и уже должен был быть подписан договор. Еврейские коммунисты ликовали, расчитывая все же осуществить свой план создания еврейской республики, несмотря на все препятствия, и тем, — выражаясь вульгарно, — «утереть нос Палестине». Если свои, внутренние евреи не хотят на Амур ехать,— что же, обойдемся без них при помощи польских и литовских евреев. Но спустя год, к осени 1937-го года, выяснилось, что сов. правительство на Дальний Восток не пустит ни одного иностранного еврея, — и от всей затеи колонизовать Биробиджан если не русскими, то польскими евреями, получился мыльный пузырь. Об

нового политбюро не вошел ни один из 62 членов избранного в прошлом году ЦК украинской компартии, ни даже неспособный ни на какую оппозицию и давно превратившийся в жалкую сталинскую марионетку Г. И. Петровский, как никак до сих пор председатель украинского ЦИК'а, — это уже показатель более глубоких процессов, чем процесс чистки бывших или возможных оппозиционеров.

Отодвигание в обоз Г. Петровского это почти символ. И почти то же наблюдается повсюду. Вот в Ленинграде не вошел в состав новых областного и городского комитетов областной прокурор Б. П. Позерн, давнишний член комитета, еще в прошлом году переизбранный в состав и городск. и областн. комитетов и избранный затем даже в бюро областного комитета. Он и сейчас еще выставлен кандидатом в Верховный Совет РСФСР, был делегатом и даже выступал на городской конференции, но уже только упомянут в числе выступавших, и о чем он говорил, уже не интересует редакцию «Правды». То же повторилось в Москве с Ем. Ярославским (на областной конференции), и Ярославский тоже не переизбран в городской комитет, как и один из немногих уцелевших старых большевиков, бывш. член Государственной Думы, бесцветнейший и готовый десять раз в день клясться именем Сталина, нарком пищевой промышленности РСФСР А. Е. Бадаев.

Таких примеров множество. Но что гораздо показательнее, это факт массового исчезновения и замены новыми людьми избранных в прошлом году секретарей обкомов и крайкомов. Повидимому, уже значительное большинство их сошло со сцены (для точного подсчета еще не хватает данных), а ведь все это были люди, избранные уже после гигантской очистительной «работы» «доблестных наркомвнудельцев», в которой они сами принимали такое энергичное участие. Из наиболее поразительных, новейших и до сих пор полускрываемых фактов отметим падение 1-го и 2-го секретарей Донецкого обкома, членов Верховного Совета СССР Прамнэка и Пиндюра.

Это уже не чистка, во время которой устранялись и заменялись 100%-ными сталинцами все, кто казался сколько-нибудь подозрительным с точки зрения сталинско-ежовского правоверия. Сейчас устраняются уже и давнишние, всегдашние сталинцы, никогда не помышлявшие ни о какой оппозиции, но сталинцы более раннего партийного призыва. Опираясь на них, Сталин с Ежовым разгромили, переарестовали и перестреляли всех подозрительных по оппозиции. Но сам этот сталинский костяк слишком связан с прошлым, и выполнив свою роль, оказывается ненужным. И всюду подымаются новые люди, «жаждущие возвышения», вышедшие из общественно - политического небытия в самые последние годы, сталинцы новейшего призыва, «эпохи завершения». Партийно-политическая репрессия становится орудием социальной механики.

Социально - психологический облик этого нового подымающегося слоя еще только формируется. Процесс этого формирования необходимо внимательно наблюдать, и к этой теме наш журнал будет возвращаться еще не раз. Но на одной черте нового сталинского отбора стоит остановиться уже сейчас. Это ярко выраженная склонность к авторитарному мышлению: думает за всех, ставит проблемы за всех, решает за всех великий Сталин; главная задача общественного работника «исполнение», задача прежде всего техническая. И не случайно, конечно, в общественной работе сейчас, как никогда, все больше выдвигаются инженерно-технические работники. Во время происходивших в последние месяцы перевыборов парторганов это обнаружилось с исключительной отчетливостью. «Особо надо подчеркнуть новое положительное явление — к партийному руководству привлечено значительное число инженерно-технических работников», докладывал на Московской городской конференции Угаров («Правда» от 31-го мая). И о том же на с'езде компартии Украины говорил Хрущев («Правда» от 16-го июня). По некоторым организациям опубликованы уже и цифры. Так, в Первомайском районе г. Москвы из 65 секретарей парткомов 20 инженеры («Правда» от 30-го мая). Особенно много инженерно технических работников избрано в качестве секретарей первичных и узловых железно-дорожных парторганизаций: на Южной дороге 48, на Одесской 24, на дороге им. Л. М. Кагановича 29, на Ворошиловской 52 («Партийное Строительство», № 12). Это, конечно, не просто «естественный отбор», это и элемент сталинского «плана» новой, послереволюционной России.

этом сообщил в Америке представитель Агроджойнта И. Розен, и затем советский полпред в Вашингтоне Трояновский добавил, что все сие — сплошные бессмысленные мечтания.

После крушения этих больших надежд и планов строители Биробиджана остались при своем старом разбитом корыте. Плоды десятилетних усилий свелись к созданию небольшого еврейского городка, который никак не удастся выдать за символ еврейской государственности. Биробиджанский мыльный пузырь трагедии еврейства не разрешит...

В. АЛЕКСАНДРОВА.

После мужицкой мятели

В водовороте русской революции погибло или сошло со сцены два поколения крестьянских писателей: эпигоны народников (Неверов, Коробов и др.) и молодая поросль крестьянской революционной интеллигенции, зазеленевшая в годы нэпа (Родион Акульшин, Замойский, Макаров и др.). Взаимоотношения этих обоих поколений писателей с крестьянством были очень различны.

Старшие крестьянские писатели социально сочувствовали крестьянству, особенно его самой обездоленной части — беднякам и батракам. Они были проникнуты пафосом антикапитализма и чем отчетливее ощущали свое бессилие перед крепнувшей стихией крестьянского капитализма, тем беззаветней и преданней любили свое бедное, всеми угнетаемое, незадачливое чадушко — извечного Антона Горемыку.

Второе поколение крестьянских писателей, выдвинувшееся уже в ходе революции, исподволь ревизовало эту горемычную идеологию. Оно было захвачено пафосом социального и экономического под'ема деревни, которой нэп открывал возможности для хозяйственной активности.

Первая пятилетка занесла всех этих писателей в черный список «подкулачников». Но свято место пусто не бывает: на смену погибшим и ошельмованным пришло — с самого начала приявшее коллективизацию — третье поколение писателей из крестьян, среди которого наиболее колоритной фигурой является Пан-

феров. Будущий историк советской литературы, занявшись волнующим вопросом о том, почему перевелись крестьянские писатели в аграрной революции, должен будет задержаться на произведениях этого писателя.

Как художник Панферов, конечно, уступает Шолохову. Но для русского крестьянства он более типичен, чем Шолохов, являющийся представителем казачества, в силу исторических условий и в культурном и в экономическом отношении стоявшего на более высокой ступени, чем толща русского крестьянства.

В творчестве Панферова (как, впрочем, и в творчестве Шолохова) прежде всего поражает его большая воля к концентрации, тяга к эпическому. В то время как подавляющая масса советских писателей под влиянием общих условий и событий то и дело перебегает с места на место, разбрасывается, сегодня Хлестаковыми раз'езжая по новостройкам, завтра шмыгая под окнами обывателей в поисках темы, — Панферов с самого начала плотно засел в «Брусках» и 10 лет писал только этот роман, а собирал матерьял и думал над ним «всю жизнь».

«Я писал «Бруски», — сказал Панферов на литературном совещании, посвященном обсуждению «Творчества», последней части его эпопеи, — заинтресованный судьбами народа. Я писал, я говорю б этом прямо, чтобы своим произведением помочь народу найти наилучшие методы борьбы с врагом, чтобы помочь разобраться в сложных вопросах жизни. Я писал, чтобы показать: вот что делает революция с народом, вот как она перековала бывшего представителя деревенского идотизма (Никиту Гурьянова) в нового человека. Я стремился дать такую книгу о крестьянстве, чтобы она потрясла читателя, чтобы она явилась вкладом в нашу литературу. Я стремился, мечтал — зачем тут излишняя скромность? — перебить Бальзака, Золя, Ибаньеса, Поленца, Успенского и дать книгу о крестьянах гораздо выше тех книг, какие дали наши предшественники».

В этой цитате, в ее ритмике характерно все: и длинный выдых писателя, и дерзкий, но хороший задор, неслучайны и обильные родимые пятна «ячества». По этой цитате, еще ничего не зная о Панферове, можно угадать в нем писателя, у которого есть своя социальная биография, который ощущает себя не поденщиком и не навозом революции, а ее активным действующим лицом. Как и Есенин, Панферов вообще любит и лелеет в себе мужика.

На протяжении 1500 страниц «Брусков»» в них найдется немало страниц, которые действительно потрясают читателя показом того, что «делает революция с народом». Но в тех же «Брусках» и — особенно в последней части — немало матерьяла, проливающего зловещий свет на практику диктаторской власти и на характер тех разрушительных опустошений в психике героев и самого писателя, которые производят ее методы. «Творчество» больше, чем предыдущие томы «Брусков», об'яснит читателю почему в духовной жизни советского крестьянства «Бруски» никогда не займут того места, которое уже отвоевал себе «Тихий Дон» Шолохова в жизни советского казачества.

Как подлинному сыну революционного крестьянства, Панферову присуща глубокая ненависть к нищете и отсталости деревни, ненависть к сохе, этому «скелету крестьянской мечты» о зажиточности. Органична в нем и привязанность к активным элементам деревни, ищущим выхода из тупика этой извечной нищеты. Естественна поэтому была и его привязанность к бедняку-коммунисту Степану Огневу, не покладая рук работавшему над созданием добровольной коммуны из «голяков». Несмотря на то, что в ходе насильственной коллективизации компартия выкинула потом Огнева из своих рядов, он остается жить в памяти читателя, как один из самых ярких и самоотверженных носителей крестьянского социализма. Через этот образ Панферову удалось нечаянно показать, что насильственная коллективизация одним концом ударившая по «кулаку», другим — уничтожила первые и самые ценные рости социалистической крестьянской общественности. Но когда Панферов понял, что святые «идейники», действующие убеждением и личным подвижничеством, не справятся с сопротивлением сил старой деревни, он развенчал Огнева и поставил ставку на другого героя — Кирилла Ждаркина.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

Панферов любит сильных. Вот почему, несмотря на свою партийность, он с самого начала в равной степени любил не только Огнева, но и «кулака» Плакущева, Никиту Гурьянова, Илью Гурьянова — одного из главарей крестьянского восстания против колхозов, с пафосом говорившего на собрании: «Агитаторы трещат — крестьянство хлеб сдает добровольно, за бесценок его валит на ссыпной пункт, добровольно. Да, красные обозы... с красными знаменами. Но на знаменах — это мужичья кровь, кровь детей, стариков, кровь, которая лилась веками... и пусть эта кровь мерещится тем, кто кричит, что мужик красными обозами везет хлеб добровольно»... На упомянутом уже литературном совещании, когда Панферова упрекали в том, что он слишком сгустил в «Творчестве» голод 1932 года, что размеры его вовсе не были такие уж страшные, Панферов с неменьшей силой, чем его Гурьянов, отбрил: «Так могут утверждать только ожиревшие политиканы... и своими утверждениями только вредить стране».

Кирилл Ждаркин, на которого променял Панферов Степана Огнева, по мысли писателя — синтез силы, воли и идейности. На самом деле Ждаркин — типичный (в этом и заключается значение этого образа) представитель той советской бюрократии, которая была выпестована властью в годы коллективизации и которая рекрутировалась из зажиточных слоев деревни. К моменту, когда разыгралась «мужицкая мятель», у экономически передовых слоев деревни было два пути: путь «кулака» Плакущева, вместе «со всей великой Русью мужичьей» пытавшегося оказать активное сопротивление коллективизации, либо путь Никиты Гурьянова — после бесплодных поисков чудесной страны «Муравии», где нет коллективизации, пойти в колхоз, заработав там позднее звание «мастера земли». Молодое поколение тех же Гурьяновых оказалось более изворотливым: в те же критические годы они устремились в административный и партийный аппарат власти.

Ждаркин не только родственник Гурьянова по крови, он его родственник по духу. Вернувшись с гражданской войны, коммунист Ждаркин сперва рьяно принимается за приумножение своей собственности, с презрением и ненавистью относясь к «затее» Огнева. Потомъ, побывав на заводе, выдвигаемый партийным аппаратом, который любит людей, под ногами которых еще «хрустит земля», он командируется председателем на «Бруски». За организационные спсобности и усмирение крестьянских восстаний Ждаркин назначается директором МТС. В последнем томе Ждаркин уже всесильный секретарь горкома, энергией которого в районе пуще-

но два новых гиганта-завода, он давно член ЦИК'а, обласкан Сталиным, успешно раскрывает «дело о контрреволюционной группе».

В бытовом отношении Ждаркин устроен великолепно: квартира из 6 комнат, личный автомобиль, подарок Наркома тяжелой промышленности; к его услугам—аэроплан. Добрая половина «Творчества» и посвящена описанию личной жизни Ждаркина. Не надо думать, что восхождение Ждаркина к власти протекало без сучков и задоринок. Под влиянием враждебного отношения крестьян и в силу личных неурядиц, Ждаркин в самый критический момент коллективизации сорвался, в нем проснулся его дед Артамон, он запил, выкинув на селе лозунг: «Пей-гуляй, однова живем!» За этот срыв его судила ЦКК, вынеся ему порицание, которое по требованию самого Сталина, почувствовавшего в Ждаркине новую «становую жилу», было отменено.

Для характеристики общественно - политического облика Ждаркина чрезвычайно важно установить тот момент в его деятельности, который послужил поворотным пунктом в упрочении его карьеры. Намек на этот поворотный момент дан в конце предыдущего тома «Брусков» («Твердой поступью»). Наблюдая жизнь колхозов своего района, Ждаркин пришел к заключению, что вековечную тягу крестьянства к собственности можно преодолеть только «посредством того же чувства». Он решается послать докладную записку секретарю Центрального Комитета, в которой говорится: «Индивидуальное домашнее хозяйство на базе колхоза — вот единственный путь на сегодня... Мы раньше думали, что сельское хозяйство будет развиваться по такому пути — товарищество -артель-коммуна. Практика показала, что тех коммун, о которых мы мечтали (Ждаркин-то о них никогда не мечтал!), у нас не будет: тракторные станции уже взяли на себя руководящую роль, они являются органами диктатуры пролетариата, а коммуны, построенные Огневым, превратились в гнилые грибы под разветвленными деревьями — могучими дубами — тракторными станциями».

Докладная записка Ждаркина «сдирала пленку идеализации с колхозника, вдребезги разбивала прежнее установившееся понятие о формах социалистического сельского хозяйства, намечая новые пути — пути уже проложенные жизнью». Послав докладную записку, Ждаркин очень нервничал. Ведь записка могла быть воспринята, как «мужиковствующая», и тогда прости-прощай ответственная работа, почет, личный комфорт, «Кирилла снимут с работы, бросят в мусорный ящик, ибо история безжалостна: она спускает под откос всякого, кто ее не понимает», тогда поднимутся те, кого Ждаркин «умело отстранил, поднимутся и обрушатся на него». Оказалось, однако, что Ждаркин «понимает историю». Записка его совпала с отступлением диктатуры от «интегрального социализма» в деревне, и Ждаркин пошел в гору.

Дальнейшему упрочению карьеры Ждаркина содействовало успешное раскрытие «заговоров», т. е. устранение «старых большевиков», типа Лемма, «барствующих цитатами», которые прежде хорохорились, что «не бывать тому, чтобы старых большевиков в подпол загнали» такие люди, как Ждаркины. Устранены и «железные коллективизаторы» типа Жаркова, который когда-то продвигал Ждаркина.

Панферов открыто любуется своим детищем, сравнивая его то с Антеем, то с Христом Микель-Анджело («могучий мужик»), он боится пропустить мельчайшее из интимных переживаний Ждаркина, все ему кажется в них имеющим общественное значение. Так, когда в Полдомасове происходит восстание крестьян, Ждаркин, не зная о нем, как раз в это время берет свой первый урок охоты на диких уток. И Панферов вместе с Ждаркиным весь поглощен созерцанием «белых пахов» моющейся в озере дикой утки. В своей неумеренной любви к Ждаркину Панферов даже не замечает, что Ждаркина, кроме его близких родственников, гордящихся им («ай-да племяш!»), никто не любит — ни крестьяне, ни рабочие, ни товарищи по работе.

Лучше всего характеризов «Творчество» поэт Асеев:

> «Панферов хотел показать Кирилла Ждаркина во всей насыщенности набухания жизни, но если взять движение зерна, то ведь вовсе не бывает, что зерно с треском раскрывается, как **бешеный огурец**, выбрасывая семена. **Зерно растет тихо**, пробивая почву, а потом оказывается, что оно в это время преодолевает земное тяготение. Эта сила маленького зернышка, которое пробивает землю, растет из земли, тянется к солнцу, не значит, что оно должно так бурно и буйно рассыпаться, чтобы земля трещала и камни рассыпались».

Путем тихого зерна, преодолевая мужицкое тяготение к собственности, шел бедняк Степан Огнев. Уже отстраненный компартией, ошельмованный новыми ставленниками, как союзник «кулака» Плакущева, он продолжал борьбу с Ждаркиным, убежденный, что такие люди, как Ждаркин, ведут «страну в пропасть», всем своим существом ощущая в нем своего антипода. В день смерти Огнева, Кирилл получил анонимное письмо: на клочке бумаги крупными буквами было выведено только одно слово — «Убивец». Не в буквальном, но в символическом смысле Ждаркины и иже с ними действительно «убивцы» революционного крестьянства. И то, что Панферов сам не понял смысла этого трагического конфликта между передовым крестьянством и диктатурой и не этот конфликт поставил в центре своей эпопеи, а апофеоз «бешеного огурца»,—об'яснит читателю, почему на экзамене великой аграрной революции Панферов едва-ли получит звание крестьянского писателя.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ПРОБЛЕМА ОБ'ЕДИНЕНИЯ НЕМЕЦКОГО СОЦИАЛИЗМА.

Аннексия Австрии вновь поставила в порядок дня немецких социалистов вопрос о «концентрации» всех социалистических сил, как в Германии, так и в Австрии, ставшей сейчас частью «Великой Германии». По этому вопросу в руководящих органах немецкой эмиграции, в австрийском «Кампф», в «Новом Форвертсе» и в «Дейтше Фрайхайт» появились интересные статьи, отражающие настроения, господствующие в наиболее крупных организациях социалистов немецкого языка. Приводим из них, для сведения наших читателей, сокращенные извлечения.

⁂

В австрийском «Кампф» тов. Густав **Рихтер** пишет:

В отличие от германского социалистического движения, австрийское движение едино и не раздроблено. В нем нет множественности групп и партий. Одна единственная, организационно-сплоченная партия руководит всем движением. Процесс раскола и раздробления австрийской социалдемократии, начавшийся было после февральских событий 1934 года, был преодолен в течение первых же двух лет нелегальной деятельности. Организация «революционных социалистов» является сейчас столь-же неоспоримо-единой и господствующей партией во всем социалистическом движении Австрии, какой в свое время являлась старая социалдемократическая партия.

Австрийские социалисты все, как один, убеждены, что освобождение австрийского рабочего класса возможно лишь в рамках **всегерманской революции,** и что целью социалистической освободительной борьбы не является восстановление былой государственной независимости Австрии. Тем самым принципиально предрешен вопрос о **соединении австрийского движения с общенемецким.** Но из этого отнюдь не следует, что возможно немедленное организационное соединение австрийской партии с германским социалистическим рабочим движением. Ибо, в противоположность социалистическому движению в Австрии, германский социализм находится в состоянии политической разрозненности и организационной расколотости. И в этом факте таится действительная проблема «концентрации».

Основная трудность германского движения заключается в следующем: часть живущих в эмиграции членов последнего выбранного «Партейфорштанда» претендует на то, чтобы считаться единственным, исторически законным руководящим органом германской социалдемократии. И эта претензия указанной группы на монополию руководства оффициально признана Социалистическим Интернационалом. Эта монополия представительства и руководства «СОПАДЕ» оспаривается, однако, остальными группами германского социалистического движения. Исходя из того, что об'единение австрийского движения с германским должно произойти путем концентрации **всех социалистических сил,** действующих в пределах новой немецкой государственной границы, австрийские социалисты тем самым становятся на точку зрения тех социалистических групп, которые отрицают монополию «Сопаде»...

Для нас, австрийских социалистов, проблема немецкой концентрации ставится, поэтому, следующим образом: существует ряд немецких групп. С одной стороны, Сопаде, издающая «Новый Форвертс», с другой стороны, «Союз немецких социалдемократов во Франции» (Ландесфербанд); затем, с 1933 г. существует в Германии и в эмиграции группа «Нейбегинен», которая принципиально стоит на почве социалдемократии, хотя Форштанд до сих пор упорно отказывается признать ее социалдемократической организацией; наконец, необходимо еще взвесить вопрос о том, в какой степени в концентрацию могла бы быть включена социалистическая группа, известная под именем «С.А.П.» (Социалистическая Рабочая Партия), имеющая ценные связи в Германии и ведущая там нелегальную работу. Помимо этого, имеется ряд более или менее многочисленных групп в эмиграции, которые, однако, на ближайший период надо оставить в стороне, ибо они могут только затруднить процесс концентрации массовых организаций. Когда массовая партия будет создана, эти мелкие группы либо сами к ней присоединятся, либо вообще останутся вне движения.

Описанный подход к проблеме германского движения является общим для всех австрийских социалистов: тут нет никаких разногласий в нашей среде. Но зато имеются различия в оценке **методов и целей** этой концентрации. И тут можно констатировать **два основных течения.** Одно исходит из того, что австрийское движение сможет примкнуть к немецкому лишь тогда, когда последнее уже будет об'единено у себя внутри. Сторонники этого подхода избавляют себя от необходимости решать вопрос, с какими германскими группами итти, и с какими нет. Вторая тенденция внутри австр. партии носит более активистский характер. Она исходит из того, что ожидать самостоятельного процесса об'единения всех германских групп — значит откладывать вопрос на неопределенно долгое время. Следовательно, необходимо активное вмешательство австрийцев в процесс этого об'единения. А это выдвигает на первый план вопрос, с кем же и на какой политической линии возможна уже сейчас совместная работа по концентрации. Ответ ясен: надо итти с теми, с которыми уже сейчас можно найти и в области программы, и в вопросах организации общий язык. Эти группы надо собрать воедино, создать для них политическую платформу и начать совместную работу, даже если бы для этого пришлось временно оставить в стороне те группы и течения, которые противятся концентрации и ясной социалистической ориентации.

Указанные две тенденции в австр. партии друг друга не исключают, а взаимно дополняют. Так, на состоявшейся в апреле конференции австр. социалистов принята резолюция, которая указывает, что хотя об'единение австр. движения с германским может произойти только тогда, когда германское движение создаст для этого необходимые политические и организационные предпосылки, но что в то же время важной задачей австр. социалистов является содействовать **созданию** этих предпосылок. Практически это означает, что австрийские социалисты должны активно участвовать в попытках реализации обще-немецкой социалистической концентрации.

Австрийское социалистическое движение в величайшей степени заинтересовано в максимально быстром темпе обще-немецкой концентрации. Нельзя допустить, чтобы опасность раздробления из немецкого движения перекинулась в австрийское. Отсюда следует, что австр. социалисты не могут стоять на точке зрения **невмешательства** во внутренние проблемы германского рабочего движения.

Практический вывод, вытекающий из этого подхода, тот, что так как с немецкой стороны не приходится ожидать об'единенного действия, то инициативу на себя должна взять заграничная делегация австр. социалистов. Первый шаг будет заключаться в том, что австр. социалисты представят указанным выше немецким группам свои соображения по поводу концентрации. Если этим путем не удастся осуществить общего совещания, то тогда попытку организовать обмен мнений между австр. социалистами и немецкими группами должен предпринять Соц. Интернационал. Целью такого обмена мнений должно быть создание картеля или блока, в который вошли бы все наличные немецкие группировки и австр. партия, причем все группы сохранили бы на первое время свою организационную самостоятельность. С течением времени из этого блока могло бы возникнуть **об'единенное заграничное представительство** всенемецкого социалистического движения, которое подготовило бы созыв **общей конференции...**

Все те, которые поняли, что рабочий класс Германии нуждается в новой социалистической партии, должны быть готовы решительно преодолеть все затруднения, стоящие на пути концентрации. Перед нами великая цель, и австрийские социалисты готовы за эту цель бороться.

⁂

На статью Рихтера отвечает в № 2 австрийского «Кампфа» тов. **Ф. Штампфер.**

Затруднения можно преодолеть только тогда, когда их знаешь. Надо поэтому более точно определить, что такое та проблема концентрации, о которой говорит тов. Рихтер.

Организация, называющая себя «Форштандом германской с.-д. партии», и содержащая бюро «Сопаде», имеет своим началом решение сохранить, вопреки гитлеровскому террору, **ядро старой социалдемократии.** Это решение было принято в мае 1933 года, в самой Германии, в момент, когда Гитлер готовился к своему сокрушительному удару против социалдемократии и профсоюзов. Избранное имя должно было символизировать несокрушимую готовность сохранить старую социалдемократию, являясь в то же время боевым ответом на те капитулянтские настроения, которые под влиянием отчаяния стали зарождаться в наших рядах...

История германской социалдемократии, как и история всех других больших движений, имеет славные страницы и страницы менее блестящие. Наряду с гигантскими достижениями имеются огромные промахи; вместе с политическими актами

первого ранга имеются ошибки и грехопадения... Более точное исследование могло бы обнаружить, что в этих поражениях вызвано неправильной политикой, и что вытекает просто-на-просто из об'ективных условий. Но для такого анализа не было ни времени, ни возможности в тот критический момент, когда надо было спасать от гитлеровского удара остатки германского рабочего движения. Единственное поручение, которое было дано Форштанду, это — осхранить **знамя германской социалдемократии** и принести его обратно **в освобожденную Германию...**

Германская социалдемократическая эмиграция развивалась совершенно иными путями, чем австрийская. Австрийцы сумели ликвидировать в первые же два года начавшийся было раскол, и их Центральный Комитет пользовался ненарушимым авторитетом. Мы, немцы, находились в менее счастливом положении.

В Австрии партийная дисциплина была всегда сильнее и строже, чем в Германии. Австрийская партия строжайшими мерами пресекала в самом зародыше всякую попытку раскола. Германская-же социалдемократия всегда была партией направлений, фракций и расколов... И если у нас и сейчас имеются направления, течения, фракции, то это, к сожалению, лишь соответствует исторической традиции нашей партии. Впрочем, наличность борьбы течений не была бы еще несчастьем сама по себе, если бы только со всех сторон проявлялась воля к товарищескому соглашению, к взаимному пониманию. К сожалению, этой задаче взаимного понимания мало способствуют, напр., те указания, какие делает тов. Рихтер по поводу якобы монополитических претензий Партейфорштанда. Нет, Партейфорштанд никогда не выдвигал претензий на «монополию тотального руководства». Но он решительно будет бороться против такого рода претензий, если их выдвинет какая-либо другая сторона...

Когда Партейфорштанд в своей известной резолюции высказался за **концентрацию всех социалистических сил,** то он исходил из того, что такого рода концентрация предполагает наличность **центра**. И он был готов принять на себя роль такого собирательного центра. Но вряд-ли приведет к цели, если некая третья инстанция захочет декретировать, какие группы подходят для концентрации и какие нет, и какова должна быть роль этих групп в общей организации. Такого рода метод привел бы лишь к бесконечным раздорам и спорам...

Я не хочу в открытой дискуссии входить в обсуждение предлагаемого тов. Рихтером разделения на более прогрессивные и менее прогрессивные группировки. Такие вещи лучше всего делать на закрытых совещаниях. Я ограничусь здесь только указанием на то, что утверждение тов. Рихтера о группе «Нейбегинен» не соответствует действительности.

Но самым большим недоразумением кажется мне следующее: тов. Рихтер пишет, что «те, которые поняли, что германскому рабочему классу нужна новая социалистическая партия, должны быть готовы решительно бороться против всех препятствий, которые стоят на пути к концентрации»...

Признаюсь совершенно откровенно, что я не принадлежу к числу «тех, которые поняли». Ни я, ни один из моих друзей не думаем, что немецкому рабочему классу нужна **новая социалистическая партия.** Мало того, ни одна из различных групп никогда, в переговорах с нами, не выдвигала подобного тезиса. Наоборот, все эти группы всегда категорически отрицали, что они хотят стать ядром для образования новой партии. И все нас уверяли, что они стремятся только к тому, чтобы вновь возродить и обновить, на боевой основе, германскую социалдемократию.

Образование новой партии при всех обстоятельствах может привести только к тому, что между соц.-дем. партией и Компартией возникнет «третья партия», нечто вроде возобновленной «Независимой партии» или расширенной «САП» со всеми вытекающими отсюда, давно известными и печальными организационными последствиями. Это привело бы только к новому разложению и к новому расколу... При этом и австрийская партия уже не могла бы остаться в стороне от этих болезненных явлений, и мы оказались бы от действительной концентрации дальше, чем когда бы то ни было.

Для начала достаточно, что мы все стоим не на точке зрения сепаратизма, а на почве **всегерманской революции.** Из этого сознания должна была бы, преодолевая все фракционные разногласия, возникнуть общая воля, которая об'единила бы боевой темперамент австрийского рабочего движения с выдержкой и цепкостью северо-германского.

Было бы полезно уже сейчас задуматься над тем, какие практические шаги можно было бы немедленно предпринять. Вначале бе дело!

⁂

В газете «Дейтше Фрайхайт» на ту же тему пишет тов. Макс **Браун,** председатель краевого «Союза немецких социалистов во Франции».

Осуществление концентрации мы мыслили себе технически в двух последовательных стадиях:

1) Концентрация всех германских организаций и групп, стоящих на почве социалдемократии.

2) Более широкое и по времени более позднее об'единение со всеми другими силами в социалистическом лагере.

После аннексии Австрии к этим двум этапам присоединился еще, как промежуточный, третий этап — соединение германских групп с австрийскими «рев. социалистами».

Первая конференция немецких социалдемократов во Франции в своей резолюции от 9 января высказалась за об'единение **всех социалдемократов без различия их точки зрения в отдельных вопросах.** Вторая конференция нем. социалистов во Франции приняла 24 апреля с. г. в присутствии двух представителей «Сопаде», тт. Фогеля и Герца, постановление — **вступить в переговоры с «Сопаде»** и теми группами, которые до сих пор еще не примкнули к концентрации, в целях **установления организационного единства и обновления германской социалдемократии.**

Во исполнение этого постановления Краевой комитет немецких социалистов во Франции обратился к «Сопаде» с заявлением, что им образована комиссия для переговоров, и что он просит «Сопаде» назначить своих представителей для переговоров. На это «Сопаде» ответил письмом от 15 мая, что он немедленно назначит срок для первой встречи, как только устранит технические затруднения, связанные с переездом в Париж и устройством нового Бюро.

Тем самым создано принципиальное единение в вопросе о переговорах о концентрации, и нужно надеяться, что эти переговоры начнутся в ближайшем будущем. Мы, поэтому, считали бы тактически более правильным не предвосхищать переговоров публичным обсуждением наших разногласий.

Хотел бы заметить только следующее: наша организация, обнимающая все идеологические течения среди немецких эмигрантов во Франции, стремится своей инициативой к концентрации ни к чему иному, как лишь к возрождению, об'единению и активированию немецкой социалдемократии.

Для достижения этой цели наша организация готова на всякое напряжение и на всякую жертву... Все личные соображения и расхождения должны быть оставлены в стороне; все партийные кадры, имеющие волю к концентрации, должны быть привлечены к работе. Далекие от доктринерства и сектантства, как и от беспринципного оппортунизма, мы хотим собрать все живые социалистические силы и концентрировать их для совместной работы на основе высшей жертвенности и высшей дисциплины.

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

Город Прага и вся чехословацкая республика, на которую направлены сейчас взоры всего мира, пережили недавно по истине достопримечательные дни. Чехословацкая социалдемократическая рабочая партия отпраздновала 60-летний юбилей своего существования, и это празднество, на фоне решимости к борьбе угрожаемого внешним врагом народа, превратилось в событие крупного национального и международного значения.

Эти празднества прежде всего выявили глубокую связь между рабочим классом Чехословакии и республикой, которую он помог основать, в руководстве которой он с небольшими перерывами участвует с момента основания государства и которую он сейчас, более чем когда-либо, готов защищать до последней капли крови.

Но юбилей этот, с другой стороны, явился также поводом для импозантной демонстрации того международного сочувствия, которым мировая демократия окружает чехословацкую республику, борющуюся за свое существование. Чешская социалдемократия и в национальном и в интернациональном масштабе показала себя, как связующее звено, соединяющее Чехословакию с другими странами и гарантирующее ей международную поддержку в ее оборонительной борьбе.

Празднества растянулись на несколько дней. Во дворе Пражского Народного Дома состоялось под открытым небом массовое собрание в память усопших основателей партии и принадлежавших к партии создателей Чехословацкого государства, — В. Тусара, Лео Винтера, Г. Хабрмана и др. Секретарь партии, сенатор Дундр, произнес на этом собрании прочувствованную речь.

Своего высшего апогея празднества достигли в грандиозном шествии, которое состоялось в Праге в воскресенье 5-го июня. В это шествие был втянут не только весь город Прага, но и вся страна, и оно превратилось в поистине импозантную демонстрацию чехословацкого народа. Четыре часа подряд готовые к бою рабочие батальоны проходили мимо президента республики Бенеша и вождей партии — председателя Хампля, министров Бехине, Дерера, Нечаса, председателя Сената Соукупа и др. Первая колонна демонстрантов, шествовавшая за гигантским портретом президента Масарика, олицетворяла собою борьбу за основание Чехословацкой Республики. Вторая колонна, организованная под лозунгом «так было», изображала историю чехословацкой партии и рабочего класса Чехословакии. Третья и самая многочисленная колонна («Так есть»), давала наглядное представление о силе и мощи чехословацкого рабочего движения со всеми своими разветвленными организациями. Наконец, четвертая колонна под паролем «Так будет» символизировала требования социализма и стремление к миру и к дружбе между народами. Эта последняя часть демонстрации, посвященная будущему, заканчивалась в соответствии со своим внутренним смыслом, отрядами молодежи. Заключительный транспарант гласил: «Республика для рабочих — рабочие за республику». И в самом деле становым хребтом чехословацкого государства и его демократии, его сильнейшим орудием в борьбе против фашизма является мощь чехословацкого рабочего народа.

В празднествах приняли участие многочисленные делегации заграничных социалистических партий. Так, английскую Рабочую Партию представляли лорд Снел, вождь рабочей фракции в палате лордов, Даллас и Уокер — члены Исполкома РСИ; французскую партию представлял бывший министр Мутэ, бельгийскую рабочую партию — ее генеральный секретарь Де Блок. Кроме того — Бухингер от венгерской партии, Петеян и Топалович от Юго-Славии, Кильпиц из Финляндии и многие другие. Даллас, который является председателем Лейбор партии, одновременно был уполномочен представлять и РСИ. Иностранные делегаты были встречены овацией, когда выступили с приветствиями на юбилейном с'езде партии, который тоже явился одним из кульминационных пунктов юбилейных торжеств. Даллас заявил в своей речи, что гигантские демонстрации, свидетелем которых он был, создали у него убеждение, что народ, который так охраняет свою свободу, непобедим. От имени немецкой социалдемократической партии Чехословакии председатель этой партии Якш, заявил при общем ликовании присутствующих, что немецкая социалдемократия связана с чешской на жизнь и на смерть в защите свободы и демократии.

ПО РОССИИ

КРИЗИС ЕЖОВСКОГО НАРКОМВНУДЕЛА.

Личный состав руководящих кадров политической полиции подвергся со времени прихода Ежова к власти (в сентябре 1936 г.) совершенно исключительной чистке. Сотрудники, ученики и выдвиженцы Ягоды были взяты в железные клещи и всюду заменены новыми людьми, пользовавшимися личным доверием Ежова, в значительной части ежовскими выучениками. Выборы в Верховный Совет СССР были их триумфом. В Верховный Совет депутат Ежов явился окруженный целой плеядой замнаркомвнуделов СССР, наркомов ВД союзных и автономных республик, начальников областных и краевых управлений НКВД.

Только что закончились выборы в Верховные Советы национальных республик. Опять всюду в большом числе проходили наркомвнудельцы. Ео вот странно: за ничтожными исключениями это все новые имена. И отнюдь не потому, что в Наркомвнуделе вдруг обнаружилась нелюбовь к совместительству (кумуляции) мандатов. Нет, положение оказывается гораздо серьезнее.

Более или менее полные сведения о кандидатах в Верховный Совет сообщались на этот раз в московских газетах лишь по РСФСР. Об остальных национальных республиках сообщены были лишь отрывочные данные и ими поэтому трудно пользоваться. Но вот по РСФСР, оказывается, имеется целых 11 областей (краев), в которых и в декабре 1937 г. в Верховный Совет СССР, и сейчас в Верховный Совет РСФСР выдвинуты были кандидатами начальники областных (краевых) управлений НКВД. Сопоставим эти данные:

	декабрь 37 г.	июнь 38 г.
Московская обл.	**Реденс**	**Цесарский**
Ленинградская обл.	**Заковский**	**Литвин**
Воронежская обл.	**Коркин**	**Денисов**
Иркутская обл.	**Лупекин**	**Малышев**
Калининская обл.	**Гумгенский**	**Никонов**
Красноярский край	**Гречухин**	**Алексеенко**
Новосибирская обл.	**Горбач**	**Мальцев**
Омская обл.	**Валухин**	**Волохов**
Оренбургская обл.	**Успенский**	**Зайцев**
Сталинградская обл.	**Раев**	**Шаров**
Челябинская обл.	**Чистов**	**Лапшин**

Во всех 11 областях (краях), о которых имеются сведения, произошла смена руководства НКВД. При этом в 8 случаях из 11 начальники управлений НКВД прямо исчезли с общественной арены и имен их нам не пришлось встретить ни в списках кандидатов по другим областям, ни в пестрящих именами местных сановников отчетах о партконференциях и с'ездах. Все говорит за то, что большинство их перешло в разряд бывших людей. Их не спасло и «высокое и почетное звание» «неприкосновенных» членов Верховного Совета СССР.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙДРУГОМУ

ПОМНИТЕ О ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ!

В остальных 3-х случаях положение сложилось несколько иначе. Начупр НКВД по Ленинградской области **Заковский** был назначен в конце января заместителем Наркома ВД СССР. Все говорило о прочности его положения. Но вот прошло немного месяцев, и имя Заковского, вчера еще одного из любимейших ежовцев, исчезло со страниц печати бесследно. Факт падения Заковского не вызывает сомнений.

Счастливее оказались начупры НКВД по Оренбургской области **Успенский** и по Сталинградской области **Раев.** Один из них выплыл в роли Наркомвнудела Украины (и только что избран в Верховный Совет Украины и в политбюро КПУ), второй — в роли Наркомвнудела Азербайджана. Но что сталось с предшественниками их по этим должностям? Где бывший наркомвнудел Украины **Леплевский** и бывший наркомвнудел Азербайджана **Топуридзе-Сумбатов,** оба депутаты Верховного Совета СССР? Или почему «исчез» член Верховного Совета СССР, тоже вчерашний ежовский любимец и наркомвнудел Белоруссии **Борис Берман?** И кто еще из сегодняшних любимцев исчезнет завтра?

С. Ш.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Информационный Бюллетень, № 40 Barcelona.
Новое Русское Слово, № 9254, 55, 56, 57, 58, 59 New-York.
Рассвет, № 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124 Chicago.
Delnicka Osveta, N° 5 Praha.
Neuer Vorwärts, N° 260 Paris.
Wolna Mlodziez, N° 6 Warszawa.
Rundschau, N° 31 Basel.
La Commune, N° 132 Paris.
Informations, N° 1 Paris.
Naje Folkszajtung. Warszawa.

От редакции. Следующий двойной номер «Соц. Вест.» (№ 13/14) выйдет **30 июля.**

Le Gérant : **Paul Colliette** Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.